

УДК 316.342.6

НЕДОБРОСОВЕСТНЫЕ КОНКУРЕНТНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ

© 2019 г.

М.Л. Теодорович, Ю.Л. Софронова, Н.Н. Патокина

Теодорович Михаил Леонидович, д.соц.н.; профессор кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mt231@yandex.ru

Софронова Юлия Львовна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
syl@list.ru

Патокина Наталья Николаевна, врио заместителя руководителя Нижегородского УФАС РФ; ассистент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
natpatok@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.09.2019

Статья принята к публикации 31.10.2019

Объектом анализа в рамках предлагаемой статьи являются феномены добросовестной и недобросовестной конкуренции, в качестве предмета рассматриваются социальные и культурные факторы, предположительно, оказывающие воздействие на содержание конкурентных практик хозяйствующих субъектов. Указанные факторы гипотетически выделяются на основе теоретических подходов и концепций, имеющихся в социологии и других гуманитарных науках, а также на основе некоторых примеров из российской юридической практики и результатов мониторинга удовлетворённости потребителей качеством товаров и услуг на рынках Нижегородской области (2018). Источником для формулирования гипотез служат классические и неоклассические гуманитарные теории. Прежде всего, это концепция двух типов капитализма Макса Вебера, теория культурного прогресса, разработанная американским исследователем Лоуренсом Харрисоном, представление об индивидуализированном обществе, сформулированное в работах Зигмунта Баумана, Фридриха Хайека. Сделаны выводы о том, что контекст недобросовестных конкурентных практик создают общие социально-экономические и социально-культурные условия, характеризующие сложный современный мир и российское общество: архаичность рыночных отношений; культурные практики, затрудняющие экономический прогресс; дефицит самостоятельного хозяйствования, культивирующего ответственность; «дарвиновская схема» выживания, поддерживаемая государством; идеология «homo economicus»; аномическое состояние социальной среды; воспроизводство непродуктивных, но привычных и удобных социальных практик; отсутствие баланса между частными и общественными интересами.

Ключевые слова: конкуренция добросовестная и недобросовестная; социокультурные факторы; этика бизнеса; культурный капитал; хозяйственная культура; правовая культура.

Одним из ключевых направлений деятельности Федеральной антимонопольной службы является предупреждение и пресечение недобросовестной конкуренции, где конкуренция, в соответствии с федеральным законом, определяется как «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке». *Недобросовестной конкуренцией* считаются «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, про-

тиворечат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добросовестности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» [1]. Согласно п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ, при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Действия сторон оцениваются как добросовестные или недобросовестные исходя из

поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное [2]. Нормативным поведением в сфере конкуренции является, таким образом, поведение добросовестное, а случаи отклонения от данной нормы рассматриваются как недобросовестная конкуренция. Примечательно, что закон предлагает для фиксации случаев недобросовестной конкуренции целый ряд критериев, которые представляют собой теоретические абстракции, нуждаются в конкретизации смыслов, в том числе с позиций гуманитарных наук. Как можно охарактеризовать обычаи делового оборота и деловую репутацию, каково содержание требований добропорядочности, разумности и справедливости? Очевидно, что эти феномены реализуют себя специфически в условиях отдельных обществ и культур, и «обычаи делового оборота», «требования добропорядочности» имеют свои особенности в конкретном времени и пространстве. Поэтому исследовательский интерес представляют социальные и культурные основания добросовестного поведения в сфере конкуренции. Какие факторы определяют добросовестное поведение людей в бизнес-сфере и что служит причиной нарушения норм делового оборота, ухода от принципов здравого смысла и справедливости?

Современная и классическая социологическая теория позволяет сформулировать целый ряд общих предположений на эту тему.

В XIX столетии Макс Вебер представил фундаментальный анализ природы капитализма, заявив о том, что капиталистические отношения приобретают цивилизованный, рационалистический характер лишь в том случае, когда определяются этикой, совокупностью правил и принципов, регулирующих поведение человека и группы в процессе жизнедеятельности. Вебер писал о том, что современный капитализм формируется как результат длительной созидательной работы ценностей и норм, образующих религиозно-этический кодекс протестантизма. Именно протестанты стали той социальной общностью, которая построила экономический фундамент западного мира, сделав стремление к эффективному, дисциплинированному и честному («fair play») ведению бизнеса одним из основных условий «оправдания» себя перед высшей силой, признаком богоизбранности и условием спасения души. Но будучи христианами,

протестанты одновременно с хозяйственным прагматизмом руководствовались в своей деятельности этическими принципами Нагорной проповеди. Капитализм является по своему содержанию архаическим, спекулятивным до тех пор, пока определённая часть общества не ставит свою подпись под условным коллективным договором об этических правилах. Жёсткое и осознанное следование правилам, которые необходимо соблюдать всегда и везде, приводит к соответствующим экономическим и социальным результатам. Другой вопрос, как именно происходит выработка этих новых правил и почему люди «вдруг» решают ответственно следовать им. Протестантизм, например, оформился, в том числе, и как психологическая реакция на социальные и экономические потрясения, характеризующие переход от Средневековья к Новому времени. Протестантская вера в Бога, с её относительной демократичностью и акцентом на самостоятельности, дала людям возможность «не сдаться» под давлением жёстких вызовов эпохи, стала той этической опорой, без которой невозможно развитие. Исследователи, анализируя историю России второй половины XIX – начала XX столетия, проводят параллели между европейским протестантизмом и отечественным старообрядчеством [3]. Действительно, крестьянская реформа и приход рынка в консервативную экономическую реальность нашего государства вызвали необходимость действовать, создавать, конкурировать, и наиболее морально подготовленными к этому оказались представители социально-религиозной группы старообрядцев. По всей видимости, вследствие похожего на протестантизм уникального сочетания этики, дисциплины, привычки к сопротивлению обстоятельствам.

Таким образом, говорит нам Вебер, всё начинается с архаики, по-другому и быть не может, любое общество рождается из хаоса, и отношения обмена, купли-продажи тоже изначально носят сугубо спекулятивный характер. Действия людей в экономической сфере на начальных этапах в любом обществе и любую эпоху являются неупорядоченными, пока не сформированы мотивирующие этические нормы.

Идеи Макса Вебера легли в основу современной теории «культурного прогресса», разработанной американским исследователем Лоуренсом Харрисоном [4]. Вместе с коллегами Харрисон показал, что фундаментом экономического процветания тех или иных обществ является специфика их культурного капитала. Учёные операционализировали понятие «культурный капитал», разделив его на различные элементы – критерии анализа конкретной социо-

культурной среды. Предложенный подход является вполне практичным, например, чтобы ответить на вопрос, в какой степени культурный багаж определённых социальных групп определяет их устремлённость к прогрессу, нужно изучить особенности их мировоззрения, ценности, экономическое и социальное поведение. Так, одним из критериев оценки экономического поведения является отношение к конкуренции – оно может быть положительным (конкуренция – это то, что ведёт к высоким стандартам), а может быть отрицательным, что проявляется в «узаконенной зависти» и «утопии равенства» (конкуренция равносильна агрессии). Нормативным служит представление о том, что «...конкуренция – это форма сотрудничества, при которой оба соперника выигрывают от необходимости выложиться до конца, как в спорте. Конкуренция питает демократию, капитализм и многообразие мнений» [5; цит. по 4, с. 24]. Иными словами, успех в экономической сфере, и в частности практики ведения бизнеса, конкурентное поведение определяются, помимо прочего, совокупностью укоренённых в национальной культурной среде правил, ценностей, традиций, отношений, привычек, стереотипов.

На основании вышесказанного можно предположить, что необходимым условием честного конкурентного взаимодействия в любом обществе является не только следование формальному закону (правовая культура), но и признание представителями той или иной социальной группы (а в данном случае речь идёт главным образом о предпринимательском классе) совокупности этических норм в качестве жёстких регуляторов повседневных коллективных экономических практик. Но возникает вопрос: как, за счёт чего, в течение какого времени возможно формирование того самого «этоса», о котором когда-то заявил Макс Вебер? Очевидно, что Россия начала XXI столетия по своим культурным характеристикам и историческим предпосылкам значительно отличается от Европы XIX века. Формально РФ представляет собой светское государство, прошедшее через длительный период официального атеизма, поэтому утверждать, что, в частности, православие сможет сыграть в конечном итоге роль, подобную протестантизму, вряд ли представляется возможным. Как и многие другие страны, Россия сегодня находится, скорее, в «пострелигиозном» состоянии, при всех попытках десекуляризации со стороны православной церкви. Следовательно, этос предпринимательского класса может существовать лишь в форме «светской этики» (деловой этики, бизнес-этики); а вот каким в конечном итоге станет его содержание? Можно

ли говорить о том, что данный «этос» понемногу формируется и в определённом виде существует уже сегодня?

С другой стороны, «архаический» (по определению того же Вебера) характер современного российского капитализма уже сформировал и формирует определённые социокультурные практики, которые объясняют относительно высокую частоту случаев недобросовестного поведения в сфере конкуренции. Современная история отечественных капиталистических отношений насчитывает около трёх десятилетий, что не так уж много в сравнении с историей развития рынка в Европе и не так уж мало при сопоставлении с историей рыночных реформ в известных азиатских государствах. «Архаичность» капитализма означает, по Веберу, отсутствие этического ядра и превалирование интересов обогащения, личной выгоды над другими интересами. По этому признаку состояние общества является «аномическим», характеризуется слабостью нормативного регулирования в различных сферах жизнедеятельности. Добросовестное поведение нуждается при этом в институционализации, закреплении соответствующих коллективных правил и практик. В связи с чем представители бизнес-сообщества ведут себя в определённом количестве случаев недобросовестно?

Конкуренция определяется как «соперничество *хозяйствующих* субъектов, осуществляющих *самостоятельные* действия». Исторический опыт независимого «хозяйствования» у российских предпринимателей невелик, а хозяйственная деятельность реализуется в условиях системы, сложившейся в эпоху плановой директивной социалистической экономики и государственного патернализма. Значительная часть российского населения продолжает жить «в прошлом», руководствуясь ранее сконструированными схемами. Прежние практики в определённом смысле воспроизводятся и предстают в качестве внутренних и внешних барьеров для самостоятельного хозяйствования (данные барьеры являются сегодня предметом анализа российских исследователей). Таковыми выступают, помимо прочего, огосударствлённый характер экономики, масштабность, архаичность и сверхдирективность бюрократической системы, привычка жить «прислонившись к государству», неприятие риска и слабые управленческие навыки. Условием выживания и выигрыша для бизнеса в этом контексте зачастую становится наличие более тесных неформальных отношений с госструктурами, которые позволяют получать преференции, избегать препятствий при входе на рынок, не думать лишний раз о том, что на рынке появятся более сильные иг-

роки. Иллюстрацией здесь могут служить различные случаи из практики территориальных управлений ФАС РФ. В 2017 г. Магаданское УФАС России установило факт неправомерного заключения мэрией города Магадана муниципальных контрактов (на выполнение работ по перевозке пассажиров и багажа по регулируемым тарифам) с единственным подрядчиком, без проведения конкурентных процедур. При этом на рассматриваемом товарном рынке в то время присутствовали как минимум четыре хозяйствующих субъекта, то есть рынок являлся конкурентным. Несколько лет назад Приморское УФАС зафиксировало случай антиконкурентного соглашения между городской администрацией, управлением дорог и благоустройства г. Владивостока, МУПВ «Дороги Владивостока» и ООО «Востокцемент». Муниципальное предприятие в течение нескольких лет являлось единственным участником торгов в сфере дорожной деятельности и благоустройства, заключало контракты по максимальной цене или с незначительным её снижением. Победу муниципальному предприятию обеспечивала группа лиц ООО «Востокцемент», аффилированная с городским главой [6]. В 2018 году УФАС Нижегородской области возбудило антимонопольное дело в отношении главного организатора школьного питания в Нижнем Новгороде (МП «ЕЦМЗ») и его 17 компаний-партнёров. Ещё в 2007 г. Городская дума Нижнего Новгорода приняла положение о конкурсном отборе поставщиков продуктов питания для школ, однако до 2018 г. конкурсы не устраивались и поставки осуществлялись всего лишь тремя организациями, большинство заказов при этом доставалось МП «ЕЦМЗ». Лишь в 2018 г. депутаты и общественность подняли вопрос о необходимости проведения торгов, так как их отсутствие противоречит закону «О защите конкуренции». В ноябре 2018 г. администрация организовала конкурс, но проводился он по схеме ФЗ № 223 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», позволяющей сформировать критерии участия так, что главными факторами выступали наличие длительного опыта и система логистики. Фактически это привело к тому, что помимо прежних игроков требованиям администрации не соответствовал ни один хозяйствующий субъект, и победу одержал прежний поставщик – МП «ЕЦМЗ». Однако, по мнению представителей УФАС, если речь идёт о бюджетных средствах, конкурс может быть проведён только по модели ФЗ № 44, так как главным критерием отбора поставщика здесь выступает экономия ресурсов. ФАС РФ аннулировала итоги конкур-

са, в свою очередь, мэрия Нижнего Новгорода подала иск об обжаловании данного решения в московский арбитражный суд [7]. Позиция антимонопольщиков и представителей общественных организаций неизменна: «поддержка» мэрией одного-единственного поставщика в течение многих лет приводит к неэффективному расходованию бюджетных средств, явному ограничению конкуренции, ущемлению интересов потребителей.

Архаичность капиталистической системы (несформированность этоса) – это один из факторов, который определяет содержание конкуренции преимущественно в социал-дарвинистских терминах агрессивного соперничества («естественный отбор», «выживание сильнейшего»). В начале 90-х в РФ само государство, реализовав скорый и несправедливый передел собственности, декларировало в качестве основополагающей эту дарвиновскую схему, где уже не было места «добросовестности», а экономическому и социальному эгоизму был дан зелёный свет на самом «высоком» уровне. Политики говорили о реформах, но суть этих реформ не сводилась к благу конкретного человека, речь шла об абстрактных экономических показателях. Неолиберальные идеи, «корнями» уходящие в западноевропейскую цивилизацию, были взяты на вооружение элитой безо всякого учёта национальной исторической и социокультурной специфики, слепая вера в «автономию и саморегулирование рынка» в российском варианте оказалась утопией. По сути, так же как и в случае с марксовской теорией, была предпринята попытка объяснить будущее с помощью абстрактной концепции. Сегодня мы наблюдаем дальнейшую конкуренцию идей, которая в определённом контексте, к сожалению, превращается в непримиримое противостояние. Общественное сознание радикализировано – репутация либеральных принципов как «чуждых» и «вредных», их искажённый смысл, драматический опыт 90-х, ностальгия по социалистическому плановому хозяйству, текущие неурядицы характеризуют общую картину как крайне неопределённую.

Предположим, что именно с начала 90-х гг. прошлого столетия доминирующей, знаковой для формирующегося российского рынка является модель «экономического человека», «эгоиста, максимизирующего выгоду». Этому способствовали вышеупомянутые характеристики внешней (глобальной) среды и «роковая роль» государства, и безудержная «вестернизация». Но, конечно, нельзя объяснять данную картину только спецификой 90-х. На протяжении всего XX века российское общество пережило ряд известных потрясений, «разорвавших» соци-

альную ткань. Официально, на смену христианской морали, адептом которой в нашей истории традиционно выступала не столько церковь, сколько монархическое государство, пришла «мораль строителя коммунизма», «мораль советского человека», а после наступила эпоха великих разочарований, края которой не видно и поныне. И этот своеобразный сплав религиозности, «советскости», «постмодернизма» «во всей красе» являет себя сегодня перед нами и внутри нас.

В стихийные 90-е гг. эгоистичный прагматизм завоёвывал человеческое пространство, «вторгаясь» в разнообразные жизненные миры. Если вспомнить эпический и, возможно, самый честный детективный телесериал 90-х «Улицы разбитых фонарей», то в плане рассматриваемой темы он во многом символичен. Образ капитана Ларина, даже своей «пушкинской» фамилией напоминая зрителю об «утраченных ценностях», воплощает собой тот самый «внутренний стержень», «последний рубеж», «границу» между человеческим миром и уличным, диким и разбитым пространством «жизни по понятиям». Из хаоса 90-х до сих пор доносится как виртуальный памятник исчезнувшей этике: «Не волки, а санитары леса!». В конце 2000-х – другой персонаж, следователь Глухарёв из одноимённого рейтингового сериала, должен был стать «наследником» капитала Ларина. Стал ли? Показательно, что, скорее всего, зритель посчитал наиболее аутентичным иного персонажа данного телеэпоса, подполковника криминальной милиции Стаса Карпова. Обаятельный «антигерой», который «не стыдится» своей циничности, доходящей до жестокости. Символ поколения? Но интересно, опять же, что при всей неоднозначности и «порочности» данного образа он несёт в себе некий «запрос на человечность», и эта вечная борьба между «добром и злом» внутри человека стала впоследствии темой нового популярного сериала, где герой В. Котлярского (практически «по просьбе телезрителей») оказался уже центральным персонажем телесаги «Карпов». В последние годы реальность превосходит самые смелые сюжеты сценаристов и драматургов, телевизионная картинка, прямо или криво отражая действительность, убеждает нас в том, что «пределов нет», этика «растворилась» в политике, и «лес без санитаров» превратился в «выжженное поле».

Архаичность российского капитализма, anomическое состояние общества описываются ещё одной критической теоретической моделью. В своём фундаментальном труде «Индивидуализированное общество» З. Бауман говорит об итоговой утрате сбалансированности, диалога

между общественным и частным в эпоху рубежа XX–XXI столетий. Индивидуализация как символ современности выражена в отрицании форм социальности, когда масштабные социальные задачи подменяются личными желаниями и стремлениями, а жизнь человека становится «биографическим разрешением системных противоречий» [8]. Традиционные институты (от семьи до государства) деформированы, глобальная экономика сложна и жестока, контроль над большинством значимых социальных процессов утрачен. Будущее любого из нас туманно, человек не защищён перед лицом неконтролируемых перемен, и очевидным становится стремление отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов [9].

З. Бауман выступает в данном случае как историк, рассматривая объективные условия становления общества всеобщего эгоизма, а источником проблем, в его версии, является сложность и непрозрачность транснациональной экономики и глобальной политики. Отдельный, «локальный» человек вряд ли может предпринять что-либо, не зная и не понимая правил, по которым функционирует «внешний мир», то есть пространство вне его частной жизни. Внешняя среда перестаёт быть опорой, ориентиром, транслятором критериев добросовестного поведения. Но в условиях резкой экономической дифференциации, Гоббсовой «войны всех против всех», отсутствия «неэгоистических» ориентиров, разрыва «социальной ткани» человек более или менее осознанно стремится к восстановлению баланса между общественным и частным. Отдельный человек может «бежать от свободы», в поисках какой-либо защиты и минимальных гарантий. И это стремление, как показывает Э. Фромм [10], исторически может приобретать радикальные формы, когда индивидуализм полностью отрицается и единственной идеологией становится коллективизм, в том числе и в его крайних проявлениях.

Современную Россию можно описать и в терминах упомянутых исторических теорий. Это эклектичная anomическая постсоветская реальность, часть глобального индивидуализированного эгоистического мира, с остатками здравого советского коллективизма и традициями коллективизма принудительного. Человек здесь – без посредников «один на один» с внешней средой, где в экономике закреплён институциональный режим, названный социологами «капитализмом не для всех» [11], где на повестке дня вопросы о необходимости формирования и укрепления института конкуренции как такового, целеполагании, определении пра-

вил, расстановке «дорожных знаков» и проведении границ. Идею «доброй совести» как мерила социальности в этом процессе можно считать ключевой, поскольку она утверждает такие ценности, как баланс индивидуальных интересов, благо для многих (а не избранных), внимание, доверие и взаимный интерес, доброжелательство и знание о других культурах. Как отмечается, фокус экономических реформ в контексте социальности может быть направлен на формирование благополучного среднего класса как огромного большинства населения, владеющего собственностью и способного передавать активы из поколения в поколение [12].

В качестве оппонента З. Бауману в данном случае выступает классик неolibеральной теории – Ф. Хайек. С его точки зрения, «слово «индивидуализм» приобрело в Европе начала XX столетия негативный оттенок и с тех пор ассоциируется с эгоизмом и самовлюбленностью. Но противопоставляя индивидуализм социализму и иным формам коллективизма, мы говорим совсем о другом качестве... Его основной чертой является уважение к личности как таковой, т.е. признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования...» [13, с. 53]. В этом контексте понятие «индивидуализм», действительно, приобретает иное содержание, а концепция «добросовестности» наполняется ещё одним смыслом. «Добросовестность» – это самоуважение («чувство собственного достоинства») и уважение достоинства другого. И в какой степени наше общество является индивидуализированным в этом аспекте?

Таким образом, гипотетически в качестве факторов, предложенных социальной теорией и провоцирующих недобросовестное поведение в сфере конкуренции, выступают общие социально-экономические и социально-культурные условия, характеризующие сложный современный мир и российское общество (архаичность рыночных отношений; культурные практики, затрудняющие экономический прогресс; дефицит самостоятельного хозяйствования, культивирующего ответственность; «дарвиновская схема» выживания, поддерживаемая государством; идеология «homo eсоpoticus»; аномическое состояние социальной среды; воспроизводство непродуктивных, но привычных и удобных социальных практик; отсутствие баланса между частными и общественными интересами).

Однако всякий кризис – это «плавильный котёл», возможность формирования новых правил и новых образцов поведения. Помимо внут-

ренних условий, есть ещё и «внешние вызовы», которые могут играть роль «двигателя прогресса». Глобальный рынок, «открытый» мир создают множество возможностей для образования, обучения, взаимодействия, получения нового опыта, трансляции ценностей. Хочется верить, что несколько десятилетий рыночной экономики не прошли даром для современной отечественной предпринимательской среды. В истории российского бизнеса появились имена «первопроходцев», которые в определённой степени являются «показательными». Имена известных предпринимателей, облачённых в «стальные латы» деловых репутаций, начавших в 90-х бизнес с «нуля», осмеливающихся делать публичными собственные биографии, в которых, со всеми оговорками, можно увидеть те самые искомые «обычаи делового оборота» и реализацию принципов жёсткого, но добросовестного соперничества.

Список литературы

1. ФЗ «О защите конкуренции» от 26.06.2006 № 135-ФЗ. Ст. 1. Предмет и цели настоящего ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/
2. Принцип добросовестности в ГК РФ // LegalQest. Правовой поиск. URL: <https://legalquest.ru/grazhdanskoe-pravo/princip-dobrosovestnosti-v-gk-rf.html>
3. Миркин Я.М. Гениальные старожилы // В кн.: Миркин Я.М. Правила бессмысленного финансового поведения. М.: Изд-во «АСТ», 2019. С. 147–149.
4. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2016. 286 с.
5. Grondona A. A Cultural Typology of Economic Development // In: Culture Matters: How Values Shape Human Progress / L.E. Harrison, S.P. Huntington (eds.). Basic Books, 2000. P. 49.
6. Материалы семинара для территориальных органов по внедрению антимонопольного комплаенса в органах власти субъектов РФ (24–25 января 2019 г.) // Официальный сайт ФАС. URL: <https://fas.gov.ru/documents/681411>
7. Зубарев В. ФАС предписала отменить итоги конкурса на организацию школьного питания // Коммерсант. Приволжье, Нижний Новгород. 29.11.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3814413>
8. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
9. Иноземцев В. Судьбы индивидуализированного общества // В кн.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. XIII.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2015. 228 с.
11. Добренков И.В., Исправникова Н.Р. Пирамиды упущенных возможностей. М.: Академический проект, 2014. 171 с.
12. Миркин Я.М. Пожалуйста, поверьте в нас! // Российская газета. 01.10.2017. Федеральный выпуск № 7387 (221).
13. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2017.

**UNFAIR COMPETITIVE PRACTICES IN MODERN RUSSIA:
THEORETICAL ANALYSIS OF SOCIO-CULTURAL GROUNDS**

M.L. Teodorovich, Yu. L. Sofronova, N.N. Patokina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines the phenomena of fair and unfair competition, as well as social and cultural factors presumably affecting the content of economic entities' competitive practices. These factors are hypothetically distinguished on the basis of theoretical approaches and concepts of sociology and other humanities, by using some examples from Russian legal practice and the results of monitoring consumer satisfaction with the quality of goods and services in the markets of the Nizhny Novgorod region (2018). Our hypotheses are formulated on the basis of classical and neoclassical humanitarian theories. First of all, it is Max Weber's concept of two types of capitalism, the theory of cultural progress developed by the American researcher Lawrence Harrison, the idea of an individualized society formulated in the works of Sigmund Bauman and Friedrich Hayek. It is concluded that the context of unfair competitive practices is created by common socio-economic and socio-cultural conditions that characterize the complex modern world and Russian society: the archaic nature of the market relationship; cultural practices that impede economic progress; the deficit of self-management required to cultivate responsibility; "Darwinian scheme" of survival supported by the state; ideology of "homo economicus"; abnormal state of the social environment; reproduction of unproductive, but familiar and convenient social practices; lack of balance between private and public interests.

Keywords: fair and unfair competition, socio-cultural factors, business ethics, cultural capital, economic culture, legal culture.